

И. Е. СУРИКОВ

Остракизм в Афинах

Игорь Евгеньевич Суриков (1965 г. рожд.), выпускник кафедры истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Область исследовательских интересов — политическая и культурная история античной Греции. Автор более 100 работ, в том числе монографий: «Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох» (М., 2000), «Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.» (М., 2002), «Проблемы раннего афинского законодательства» (М., 2004), «Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика» (М., 2005).

Остракизм в Афинах

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

И. Е. СУРИКОВ

Остракизм в Афинах

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2006

ББК 67.3
С 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 05-01-16096

Рецензенты:

доктор ист. наук, профессор *Г. А. Кошеленко*,
доктор ист. наук *А. В. Подосинов*,
доктор ист. наук *Н. А. Фролова*,
кафедра истории древнего мира Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Суриков И. Е.

С 90 Остракизм в Афинах / Отв. ред. доктор ист. наук Л. П. Маринович. —
М.: Языки славянских культур, 2006. — 640 с.

ISBN 5-9551-0136-5

Книга представляет собой первое в российской науке комплексное исследование остракизма — важного института античной афинской демократии, внесудебного изгнания наиболее влиятельных граждан из государства сроком на десять лет. Рассматриваются все основные аспекты истории остракизма: происхождение этого института, время, причины и цели его учреждения; основные элементы процедуры, применявшейся при остракизме; место и роль остракизма в политической системе и политической жизни демократического полиса; факторы, способствовавшие выходу остракизма из употребления. Проблемы, связанные с остракизмом, изучаются в контексте истории классических Афин, становления и функционирования феномена полисной демократии.

Книга предназначена для специалистов — историков, политологов и юристов, для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, для всех интересующихся историей античности.

ББК 67.3

*В оформлении переплета использовано изображение остракона
(черепка для голосования на остракизме)
с именем Фемистокла. Афины, V век до н. э.*

ISBN 5-9551-136-5

© И. Е. Суриков, 2006
© Языки славянских культур, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
ВВЕДЕНИЕ	10
ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ	21
1. Нарративная традиция об остракизме	21
2. Памятники ненарративного характера. Острака	48
ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ	85
Глава I. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ	125
Глава II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОСТРАКИЗМА	167
1. О времени принятия закона об остракизме в Афинах	167
2. Остракизм до Клисфена?	182
3. Причины и цели введения остракизма	205
Глава III. ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ	229
1. Общие сведения о процедуре остракизма	229
2. 6000 голосов — кворум или минимум?	243
3. О месте пребывания изгнанных согласно закону об остракизме ..	256
4. О сроке продолжительности изгнания	269
5. К вопросу о заранее приготовленных остраконах	281
Глава IV. ОСТРАКИЗМ В АФИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ	295
1. О некоторых особенностях политической жизни Афин V в. до н. э.	295
2. Основные этапы истории остракизма в связи с эволюцией политической борьбы в классических Афинах	322
3. Функции института остракизма в политической системе афинской демократии и их эволюция	347
4. Остракизм и политическая пропаганда	356
Глава V. О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРИМЕНЕНИЯ ОСТРАКИЗМА	381
1. Последняя остракофория и причины выхода остракизма из употребления	381
2. «После остракизма»	399
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	409
1. Сводка полученных результатов	409
2. К общей оценке института остракизма	415

ПРИЛОЖЕНИЕ I	
О IV РЕЧИ КОРПУСА АНДОКИДА	429
ПРИЛОЖЕНИЕ II	
ОСТРАКИЗМ И ОСТРАКА ЗА ПРЕДЕЛАМИ АФИН	443
ПРИЛОЖЕНИЕ III	
К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	
АФИНСКОГО ПОЛИСА В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ	473
ПРИЛОЖЕНИЕ IV	
СВОДКА ПИСЬМЕННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ	
ОБ ОСТРАКИЗМЕ	487
ПРИЛОЖЕНИЕ V	
ПРОСОПОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА	
АФИНСКИХ ОСТРАКА	541
ПРИЛОЖЕНИЕ VI	
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	553
БИБЛИОГРАФИЯ	555
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	595
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	597
SUMMARY	615

*Светлой памяти
безвременно покинувшего нас
Юрия Германовича Виноградова
(1946–2000)
посвящается эта книга*

ОТ АВТОРА

За те годы, на протяжении которых шла работа над этой книгой, промежуточные результаты исследования публиковались автором в ряде статей в различных изданиях (см. перечень основных из них в прим. 15 к Введению). Естественно, по мере углубления в интересовавшую нас проблематику наши взгляды на те или иные вопросы не могли не претерпевать определенных изменений. Поэтому, думаем, читателей не удивит тот факт, что какие-то аспекты истории и функционирования остракизма в книге изложены несколько иначе, нежели в статьях; это – нормальный процесс развития науки, закономерности которого применимы не только к той или иной дисциплине в целом, но и к судьбе каждого конкретного ученого.

В 2004 г. автором была защищена в Институте всеобщей истории РАН докторская диссертация. Специфика диссертационного жанра заставила дать ей несколько громоздкий заголовок – «Остракизм как политический институт афинского полиса классической эпохи». Книга, которую мы здесь представляем, называется короче и проще. Но в основе своей это – та же самая работа, естественно, с определенными дополнениями (в частности, учтена новейшая зарубежная исследовательская литература в значительном количестве).

Мы считаем своим приятным долгом искренне поблагодарить, согласно установившейся доброй традиции, коллег, без помощи которых эта книга вряд ли была бы написана. Трудно, да, пожалуй, и просто невозможно перечислить всех тех, кому хотелось бы сказать слова благодарности. Некоторые имена, однако, просто нельзя не назвать.

В стенах alma mater – Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова – бессменным научным руководителем автора этих строк (как в студенческие, так и в аспирантские годы) был В. И. Кузищин. В это время формировался круг наших научных интересов, закладывались основы тех работ, которые впоследствии были написаны и опубликованы: от религиозных воззрений афинских драматургов (монография «Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.») – к истории «Килоновой скверны» и рода Алкмеонидов (монография «Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох», по ряду причин законченная и вышедшая раньше) и далее к институту остракизма, который рассматривается в настоящей монографии. Роль Василия Ивановича на первых этапах этого пути была, конечно, очень велика.

Л. П. Маринович еще в 1994 г. привлекла наше внимание к перспективам изучения остракизма. Впоследствии, работая под ее чутким руководством, мы всегда встречали с ее стороны теплое, человеческое отношение и все возможное содействие, что значительно облегчало работу над книгой. Людмила Петровна любезно согласилась стать ответственным редактором монографии.

Автор очень признателен Г. А. Кошеленко, А. В. Подосинову и Н. А. Фроловой, которые взяли на себя труд дать отзывы на это исследование, когда оно было еще в «диссертационной» стадии. Их принципиальная и в то же время в высшей степени доброжелательная оценка написанного вдохнула в нас бодрость, уверенность в собственных силах, а это так важно для ученого. Рецензентами был высказан ряд ценных советов и соображений, которые мы постарались учесть. Разумеется, они не несут никакой ответственности за те недостатки, которые могут обнаружиться в книге: таковые следует относить всецело на счет автора.

К нашему огромному сожалению, уже не может прочесть эти строки тот, перед кем наш долг просто неизмерим. Ю. Г. Виноградов в последние годы своей жизни активно интересовался проблемами, связанными с остракизмом; на этой-то почве и возникла наша научная близость. Со светлой грустью вспоминаются наши с ним многочисленные беседы в «курилке» института – общение умудренного опытом мэтра, профессионала высочайшего класса с молодым коллегой. Юрий Германович – не только выдающийся специалист, но и человек удивительной душевной самоотдачи и открытости – щедро делился с нами теми оригинальными идеями, которыми так и кипел его постоянно работавший ум; он и сам без какого-либо снобизма внимательно выслушивал наши мнения, куда менее авторитетные, а подчас и принимал их на вооружение. Даже странно: кажется, что все это было вчера, а ведь уже пять лет, как Юрия Германовича не стало. Не будучи с формальной точки зрения его учеником, автор тем не менее считает его одним из главных своих наставников в науке. Его памяти посвящается книга; это – та посильная дань, которую мы можем ему принести.

В наших разговорах, о которых шла речь, часто принимал участие также А. А. Молчанов. Аркадий Анатольевич – тонкий знаток самых разнообразных, отнюдь не только античных, исторических сюжетов – не раз приводил такую интересную, нестандартную и никому еще не приходившую в голову параллель, которая сразу делала более ясным какой-нибудь темный и спорный вопрос. Особенно велико его влияние на разделы нашей книги, посвященные генезису обычая остракизма. Чрезвычайно много значила и его дружеская поддержка. Дорогой Аркадий, спасибо!

Многие наши статьи были опубликованы в «Вестнике древней истории». Редакционная коллегия во главе с Г. М. Бонгард-Левиным всегда охотно предоставляла нам для изложения своих мыслей страницы журнала, за что мы глубоко признательны. Научное редактирование этих статей, как правило, ложилось на плечи С. Г. Карпюка; в нем мы нашли чуткого, бережного ре-

дктора, неизменным принципом которого было – помочь автору, а не навязать ему свою точку зрения. Неоднократно приходилось нам с ним плодотворно обсуждать различные проблемы истории демократических Афин.

Еще о многих, многих хотелось бы сказать самые добрые слова. Среди тех, кто содействовал, словом или делом, работе автора над книгой, тому, что она в конечном счете обрела свой нынешний вид, – М. Ф. Высокий, О. Л. Габелко, В. Н. Илюшечкин, Б. Т. Кабанов, С. А. Коваленко, В. И. Козловская, И. А. Макаров, А. В. Махлаюк, А. А. Немировский, Л. П. Репина, С. Ю. Сапрыкин, Л. Л. Селиванова, О. В. Смыка, А. Л. Смышляев, Е. И. Соломатина, А. В. Стрелков, В. Н. Токмаков, М. К. Трофимова, А. П. Черных, а также ушедшие от нас Е. С. Голубцова, Г. Т. Залюбовина, В. М. Смирин. Автор просит прощения у коллег, которых он забыл упомянуть.

На последнем этапе подготовки текста весьма полезной для нас оказалась работа в библиотеке Института классического антиковедения при Институте Галле-Виттенберг им. Мартина Лютера, Германия (июнь – июль 2004 г.). Там мы смогли ознакомиться со многими из тех западных исследований, которые отсутствуют в России. Мы благодарны гостеприимным сотрудникам Института и в первую очередь профессору Андреасу Мелю, усилиями которого эта поездка стала возможной.

Автор благодарит Российский фонд гуманитарных исследований, предоставивший грант, который позволил издать книгу.

Last not least. Как ни парадоксально, жизнь ученого-энтузиаста может быть в одном отношении уподоблена жизни моряка или полярника. Он постоянно в работе, порой полностью уходя в нее, как в экспедицию или в дальнее плавание. В результате меньше времени остается на семью (а особенно по условиям теперешней российской действительности, когда нищенская зарплата научного сотрудника заставляет, чтобы не умереть от голода, брать многочисленные дополнительные подработки). От родных и близких в подобной ситуации требуется особенный такт, душевное участие. Автору этих строк повезло: со стороны своей супруги Зои он всегда встречал полное понимание, всю возможную помощь, самоотверженную любовь. По большому счету, именно она сделала больше всех для того, чтобы эта книга была написана.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Нарративная традиция об остракизме

Самым ранним античным автором, которого следует упомянуть в связи с остракизмом, является Пиндар. Впрочем, у него мы встречаем еще не прямое сообщение об этом институте, а лишь реминисценцию, понятную лишь из контекста. Реминисценция эта содержится в VII Пифийской оде великого беотийского поэта, посвященной афинянину Мегаклу, сыну Гиппократы, из рода Алкмеонидов. В 486 г. до н. э. Мегакл, незадолго до того изгнанный из Афин остракизмом, участвовал в Пифийских играх и одержал победу в состязаниях колесниц; по этому поводу и была написана упомянутая ода¹. В ее заключительной части (ст. 18 сл.) есть слова:

Νέα δ' εὐπραγία χαίρω τι· τὸ δ' ἄχνομαι,
φθόνον ἀμειβόμενον τὰ καλὰ ἔργα...²

Под νέα εὐπραγία имеется в виду пифийская победа Мегакла; слово же φθόνος подразумевает, несомненно, его остракизм. Обратим внимание на характерное обстоятельство: уже у Пиндара изгнание остракизмом напрямую связывается с завистью сограждан. У позднейших авторов эта идея, имеющая, как видим, весьма раннее, современное событиям происхождение, станет общим местом³.

Если говорить о собственно афинских писателях V в. до н. э., той эпохи, когда в политической жизни использовался остракизм, то приходится при-

¹ О данном свидетельстве см.: *Siewert P.* Т (?) 2. Pindar, Pyth. 7.18—21 (486 v.Chr.): athenische Mißgunst gegen hippische Siege der Alkmeoniden als Motiv für die Ostrakisierung des Megakles (486 v.Chr.) // OT. S. 167—170. Об общей тональности VII Пифийской оды, весьма дружественной по отношению к Мегаклу и всему роду Алкмеонидов, см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII—V вв. до н. э. М., 2000. С. 149—150. О близких отношениях между Алкмеонидами и Пиндаром см.: *De Sanctis G.* Pericle, Milano, 1944. P. 5; *Schachermeyr F.* Die frühe Klassik der Griechen. Stuttgart, 1966. S. 246—247; *Dickie M. W.* Pindar's Seventh Pythian and the Status of the Alcmaeonids as oikos or genos // Phoenix. 1979. V. 33. No. 3. P. 193—209; *Pardini A.* Megacle, Ateniese ed Alcmeonide // QUCC. 1990. V. 34. P. 19—34.

² Русский перевод всех разбираемых здесь свидетельств приводится в приложении IV.

³ Судя по всему, несколько позже Пиндара писал об остракизме Фемистокла родосский поэт Тимокреонт. Об этом упоминает Плутарх (Them. 21). Но соответствующие строки из Тимокреонта не сохранились. О Тимокреонте см.: *Mattingly H. B.* Poets and Politicians in Fifth-Century Greece // GEM. P. 231 ff.; *Robertson N.* Timocreon and Themistocles // AJPh. 1980. V. 101. No. 1. P. 61—78. О возможном содержании его свидетельства см.: *Stefanek P.* Т (?) 3. Timokreon bei Plutarch, Them. 21,5 (ca. 467 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles (470 v. Chr.) // OT. S. 171—173.

нать, что информация об этом институте, содержащаяся у них, оказывается весьма скудной. Несколько реминисценций (опять-таки всего лишь реминисценций) можно обнаружить у представителей древней аттической комедии: Аристофана (Equ. 852 sqq.)⁴, Кратина (fr. 71 Kock)⁵, Платона Комика (fr. 187 Kock⁶; возможно, также fr. 153 Kock⁷). Эти пассажи довольно малосодержательны в интересующем нас отношении, и тем не менее они имеют немалое значение, поскольку свидетельствуют об интересе, который проявляли к остракизму комедиографы, являвшиеся, как известно, активными и крайне пристрастными участниками политической и идеологической борьбы своего времени. Для авторов комедий, равно как и для их аудитории, остракизм был элементом повседневной жизни, чем-то настолько хорошо известным, что об этом не стоило специально и подробно рассказывать. Точно то же можно сказать и об историках V в. до н.э. Геродот очень кратко, буквально мимоходом, упоминает об остракизме Аристиды «Справедливого» (VIII.79)⁸, а Фукидид — об остракизмах Фемистокла (I.135.3) и демагога Гипербола (VIII.73.3)⁹, причем эти упоминания не служат для них поводом к тому, чтобы хоть что-нибудь сказать о самом институте. Характерны, впрочем, слова Фукидида о том, что Гипербола изгнали οὐ διὰ δυνάμεως καὶ ἀξιώματος φόβον, ἀλλὰ διὰ πονηρίαν

⁴ *Palme B.* Т (?) 9. Aristophanes, Equ. 855—857 (424 v. Chr.): der Demos könnte gegen Kleon das Ostrakinda-Spiel durchführen (424 v. Chr.) // OT. S. 216—219. С другой стороны, мы не согласны с тем, что об остракизме говорится и в другом месте (Equ. 819) названной комедии (*idem.* Т 8. Aristophanes, Equ. 819 (424 v. Chr.): Themistokles wurde ostrakisiert und verbannt (470 v. Chr.) // OT. S. 210—215). В указанной строке речь в действительности идет не об остракизме Фемистокла, а о его бегстве из Греции после заочного смертного приговора. Равным образом и не имеющий контекста фрагмент, где упоминается «разбитая на черепки амфора» (ἀμφορεύς ἐξοστρακισθεὶς), вовсе не обязательно должен, как утверждает (*Eder B.* Т (?) 13. Aristophanes fr. 661 PCG III 2 (ca. 416 v. Chr.): Ostrakisierung eines “Dummkopfs”, vielleicht des Hyperbolos (416 v. Chr.) // OT. S. 240—242), иметь какое-либо отношение к остракизму.

⁵ В комедии «Фракиянки», поставленной, скорее всего, в 430-х гг. до н.э. См.: *Knibbe K.* Т 7. Kratinos fr. 73 PCG IV (ca. 435—430 v. Chr.): Gefahr des Ostrakisierung für Perikles (vor 431 v. Chr.) // OT. S. 205—209.

⁶ *Grimanis P., Heftner H.* Т 12. Plato Comicus fr. 203 GCG VII (um 415 v. Chr.): Hyperbolos wird trotz seiner Unwürdigkeit ostrakisiert (416 v. Chr.) // OT. S. 227—239.

⁷ *Siewert P.* Т (?) 11. Plato Comicus fr. 168 PCG VII (ca. 416 v. Chr.): Vergleich des Ostrakismos mit dem Ostrakinda-Spiel der Kinder (416 v. Chr.) // OT. S. 223—226.

⁸ Труд Геродота содержит самое ранее сохранившееся в нарративной традиции упоминание глагола (ἐξοστρακίζω — «изгонять остракизмом». См.: *Brenne S.* Т 6. Herodot 8, 79, 1 (ca. 448—424 v. Chr.): die Ostrakisierung des Aristides (482 v. Chr.) und seine Rückkehr am Vorabend der Schlacht von Salamis (480 v. Chr.) // OT. S. 204.

⁹ *Brenne S.* Т 15. Thukydides 1, 135, 2—3 (ca. 431—395 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles (470 v. Chr.) // OT. S. 247—257; *idem.* Т 16. Thukydides 8, 73, 3 (400—395 v. Chr.): Motive für die Ostrakisierung des Hyperbolos (ca. 416 v. Chr.) // OT. S. 258—270.

καὶ αἰσχύνῃν τῇς πόλεως. Из них вытекает, что ранее, до Гипербола, остракизм применялся, по мнению афинского историка, в отношении людей, чье «могущество и влияние» вызывало страх сограждан¹⁰.

Ситуация коренным образом изменяется тогда, когда остракизм выходит из употребления. Перелом наступает на рубеже V—IV вв. до н. э. Собственно, только теперь и начинается в полном смысле слова формироваться античная традиция об остракизме. Институт, отошедший в прошлое и продолжавший существовать лишь «на бумаге» (Arist. Ath. pol. 43.5), перестал быть понятной для всех очевидностью и нуждался отныне в объяснениях и истолкованиях. Постоянно возраставший в течение IV в. до н. э. интерес особенно к правовой, процедурной стороне остракизма¹¹ был обусловлен еще и общим увеличением в этом столетии внимания афинян к законодательным, правотворческим и вообще институциональным сторонам политической жизни¹².

Интересный материал об остракизме содержат, в частности, произведения ораторов IV в. до н. э., и в особенности самого раннего из них — Андокида. Андокид не пользуется в антиковедении репутацией очень достоверного автора; для него характерны весьма вольное обращение с историческими фактами (этим он выделяется даже на фоне других афинских мастеров красноречия, в целом не очень-то скрупулезных в данном отношении) и нескрываемая тенденциозность. Несомненным плодом путаницы является, в частности, упоминание Андокида (III.3) об остракизме «Мильтиада, сына Кимона» (подробнее см. ниже, в гл. I). И тем не менее данные Андокида — раннего автора, еще заставшего в своей молодости остракизм в действии, — заслуживают самого пристального к себе отношения. И прежде всего следует сказать несколько подробнее о IV речи («Против Алкивиада»), входящей в корпус Андокида, поскольку остракизм является одним из главных компонентов ее тематики. IV речь, дошедшая под именем Андокида, — чрезвычайно дискуссионный памятник аттической ораторской прозы. Специальный разбор вопросов об авторстве этого произведения и времени его создания мы выносим в приложение I¹³, а здесь ограничимся кратким суммированием сделанных в нем выводов.

¹⁰ Ср.: Schreiner J. H. The Origin of Ostracism Again // CM. 1970 (1976). V. 31. P. 93.

¹¹ Ср.: Heftner H., Scheidel W., Siewert P. Zusammenfassende Auswertung der vorhellenistischen Testimonien // OT. S. 500.

¹² См. об этом процессе: Harrison A. R. W. Law-making at Athens at the End of the Fifth Century B. C. // JHS. 1955. V. 75. P. 26—35; Ostwald M. From Popular Sovereignty...; Piérart M. Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionnelles // REA. 1987. V. 89. № 1/2. P. 21—37; *idem*. Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // AD. S. 249 ff.; Маринович Л. П. Закон и власть в классических Афинах // ВЧОАМ. С. 5—18. Институциональным проявлением этой «смены парадигм» явилось, в частности, расширение полномочий афинских судов присяжных в IV в. до н. э.: Hansen M. H. The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // GC. P. 215—243.

¹³ Там же приведена основная литература, посвященная этой речи. См. также: Сури-

В связи с интересующей нас речью существует довольно обширная исследовательская литература, причем в ней, как правило, отрицается авторство Андокида, однако, на наш взгляд, без достаточных к тому оснований. Насколько нам представляется, автором речи «Против Алкивиада» вполне мог действительно быть Андокид, но впрочем, строго говоря, этот вопрос даже и не самый принципиальный; важнее определить жанр памятника и его историко-хронологический контекст. С большой долей уверенности можно утверждать, что перед нами — не речь в прямом смысле слова, а написанный в форме речи политический памфлет, составленный в рамках политической борьбы 390-х гг. до н. э. Соответственно, к этому произведению нужно относиться, с одной стороны, как к аутентичному свидетельству эпохи, очень недалеко отстоящей от времени функционирования остракизма (а не как к поздней фальшивке, не имеющей серьезного значения как источник), но, с другой стороны, как к свидетельству крайне субъективному, предвзятому и тенденциозному, что определялось как его жанровой принадлежностью, так и, судя по всему, особенностями манеры автора. Иными словами, информацию, содержащуюся в IV речи корпуса Андокида, ни в коем случае не следует отменять с порога, но в то же время при работе с этой информацией необходимы осторожность и обязательная проверка ее сведениями, предоставляемыми другими античными писателями.

Почему мы столь подробно останавливаемся на проблеме достоверности IV речи Андокидова корпуса? Дело в следующем: то, что говорит в ней оратор об остракизме, в ряде своих нюансов уникально и не имеет близких параллелей в произведениях иных авторов. Так, в начале речи (IV.3 sqq.) мы встречаем самую жесткую и развернутую во всей античной нарративной традиции критику самого института остракизма как безусловно вредного для полиса. При этом пишущий не останавливается и перед прямым искажением фактов, заявляя, например, что афиняне якобы одни из всех эллинов пользуются остракизмом и ни один другой город не желает им в этом подражать (IV.6). Это — явная передержка: в источниках есть недвусмысленные упоминания о функционировании остракизма и аналогичных процедур за пределами Афин (подробнее см. в приложении II). В дальнейшем тон речи становится более терпимым по отношению к остракизму, но характерно, что на всем ее протяжении этот институт рассматривается как наказание (τιμωρία, см., например, IV.4; IV.35)¹⁴. И это, в общем-то, находится в противоречии с суждениями более поздних авторов, которые, как мы увидим, отнюдь не склонны считать остракизм наказанием. Целью введения закона об остракизме, по мнению Андокида, была борьба с теми из граждан, которые оказываются сильнее законов и должностных лиц (τοὺς κρείττους τῶν ἀρχόντων καὶ τῶν νόμων, IV. 35); это его высказывание полностью лежит в русле об-

ков И. Е. IV речь корпуса Андокида как исторический источник // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 3—13.

¹⁴ Hefntner H., Scheidel W., Siewert P. Op. cit. S. 486.

щепринятой в античности точки зрения на этот институт. Однако наряду с этим у интересующего нас здесь писателя есть и представление, что остракизмом изгоняли также за безнравственный образ жизни (например, Кимона будто бы за незаконное сожительство с собственной сестрой, IV.33). Здесь перед нами уже значительно более редкая точка зрения, и интересно, что она встречается в таком раннем, почти современном событиям памятнике, заставляя задуматься: а не содержится ли в ней зерна истины? Впрочем, приступить к решению этого вопроса можно будет лишь в ходе рассмотрения инвектив на острака, имеющих отношение к моральному облику «кандидатов» на изгнание.

В IV речи корпуса Андокида имеется также несколько упоминаний о конкретных остракофориях. В частности, сообщение об изгнании остракизмом знаменитого афинского атлета-панкратиаста, периодоника (победителя во всех четырех панэллинских играх) Каллия, сына Дидимия (IV.32), является единственным; этот остракизм не фигурирует больше ни в одном нарративном памятнике. Соответственно, факт, о котором идет речь, ранее обычно считался в историографии недостоверным¹⁵. Однако находка остраконов с именем Каллия, сына Дидимия, придала указанию Андокида несравненно больший вес¹⁶.

Данные других ораторов IV в. до н. э. об остракизме не столь обильны. Лисий в крайне тенденциозном пассаже, направленном против Алкивиада Младшего, сына знаменитого Алкивиада (XIV.39), говорит, что двух его прадедов — Мегакла, сына Гиппократа, и Алкивиада Старшего — афиняне «дважды обоих» (δὶς ἀμφότερους) подвергали остракизму¹⁷. Это, на наш взгляд, весьма сомнительное, к тому же изолированное сообщение в последние годы стало использоваться рядом исследователей как почва для весьма ответственных выводов, и нам еще неоднократно придется на нем останавливаться. Демосфен мимоходом упоминает об изгнании остракизмом Фемистокла (XXIII.205)¹⁸, Аристиды (XXVI.6)¹⁹. Небезынтересно одно место из оратора Ликурга (Leocr. 117—118). Строго говоря, об остракизме в нем речи не идет. Однако уже высказывалось небезосновательное мнение, согласно которому упоминаемый там список «оскверненных и предателей» (τοὺς ἀλιτῆριους καὶ τοὺς προδοτάς) представляет собой не что иное, как перечень афинян, изг-

¹⁵ Например: *Carcopino J.* L'ostracisme athénien. 2 ed. P., 1935. P. 112.

¹⁶ Подробнее см.: *Piccirilli L.* L'ostracismo di Callia figlio di Didimia // *Klio*. 1996. Bd. 78. Ht. 2. S. 325—328.

¹⁷ *Hameter W.* T 22. Lysias 14, 39 (ca. 395 v. Chr.): die zweifache Ostrakisierung des Alkibiades d. Ä. und des Megakles // *OT*. S. 327—333.

¹⁸ *Eder B.* T 27. Demosthenes 23, 204 f. (352/1 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles wegen Überheblichkeit (470 v. Chr.) // *OT*. S. 368—372.

¹⁹ *Papastamati-von Moock Chr.* T 42. [Demosthenes] 26, 6 (325/4 v. Chr.): der Aufenthalt des ostrakisierten Aristides auf Aigina bis zu seiner Wiederaufnahme durch die Athener (482—480 v. Chr.) // *OT*. S. 475—478.

нанных остракизмом, начиная с его первой жертвы — Гиппарха, сына Харма²⁰. Старший современник названных ораторов — философ Платон — только один раз касается остракизма (Gorg. 516d), говоря о том, что ему были подвергнуты Кимон и Фемистокл²¹.

Как известно, труды большинства крупных греческих историков IV в. до н. э. утрачены и дошли до наших дней лишь в виде разрозненных фрагментов. Однако и в этих фрагментах мы находим определенную информацию об остракизме, порой весьма важную. Так, Феопомп в десятой книге своей «Истории Филиппа» совершил экскурс в историю афинских политических деятелей («демагогов») V в. до н.э. Насколько можно судить, именно в рамках данного экскурса находились его свидетельства об остракизме Кимона и его досрочном возвращении (Theopomp. FGrHist. 115. F88)²², об изгнании Гипербола и его последующей судьбе (F96)²³. Затрагивает Феопомп также судьбу Фукидида, сына Мелесия, — еще одной жертвы остракизма²⁴. Совершенно необходимо остановиться и на таком авторе, как Андротион, видный представитель жанра аттидографии (локального афинского историописания). Достоинно всяческого сожаления, что сочинения аттидографов (Гелланика, Клидема, Фанодема и др.) не сохранились; есть все основания полагать, что в них содержались подробные рассказы об остракизме, его происхождении, функционировании, процедуре, выходе из употребления; эти историки, судя по всему, внесли весьма серьезный вклад в формирование античной традиции об интересующем нас политическом институте, хотя оценить полный объем этого вклада теперь, конечно, не представляется возможным²⁵. Из «Аттиды» Анд-

²⁰ Schreiner J. H. Op. cit. P. 84—86; Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 73.

²¹ Scheidel W. T 25. Platon, Gorg. 516d (ca. 390—385 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles und des Kimon (ca. 470 bzw. 461 v. Chr.) // OT. S. 350—356.

²² Scheidel W. T 28. Theopomp FGrHist 115 F 88 (ca. 345—340 v. Chr.): der Rückruf des ostrakisierter Kimon (?) // OT. S. 373—386.

²³ Scheidel W. T 30. Theopomp FGrHist 115 F 96b (ca. 345—340 v. Chr.): Ostrakisierung und Tod des Hyperbolos (416/411 v. Chr.) // OT. S. 391—400.

²⁴ Raubitschek A. E. Theopompos on Thucydides the Son of Melesias // Phoenix. 1960. V. 14. No. 2. P. 81—95. Раубичек считает, что Феопомп основывается на данных памфлетиста V в. до н. э. Стесимброта, автора утраченного сочинения «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле», а также Эсхина Сократика, чьи диалоги тоже не сохранились. См. также: Scheidel W. T 29. Theopomp FGrHist 115 F 91 (ca. 345—340 v. Chr.): Thukydides Melesiou als (ostrakisierter) Gegner des Perikles (443 v. Chr.) // OT. S. 387—390.

²⁵ Специально об аттидографах см. важнейшие работы: Jacoby F. Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949; *idem*. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. V. 1—2. Leiden, 1954; Pearson L. The Local Historians of Attica. Repr. ed. Ann Arbor, 1981. Об «Атти-

ротиона до нас все-таки дошло кое-что об ostrакизме (Androt. FGrHist.324.F6, F37, F43). Особенно важен фрагмент F6, в котором говорится о времени и обстоятельствах введения закона об ostrакизме. Этот фрагмент, сохраненный лексикографом II в. н. э. Гарпократионом (s. v. Ἰππάρχος), вызвал к жизни весьма обширную исследовательскую литературу²⁶. Причина столь пристального внимания к нему обусловлена тем, что этот фрагмент (во всяком случае, в том его виде, как он дошел до нас) учреждение ostrакизма приурочено к 480-м гг. до н. э., а это вступает в прямое противоречие с Аристотелем, который (в «Афинской политике», о которой речь пойдет чуть ниже) относит эту акцию к циклу мероприятий реформатора Клисфена, имевших место в конце VI в. до н. э. Вопрос об этой несогласованности между двумя авторитетными и эрудированными авторами (известно, кстати, что Аристотель имел в своем распоряжении «Аттиду» Андротиона и активно пользовался ей) представляется весьма важным и будет подробно рассмотрен нами в разделе об историко-хронологическом контексте введения ostrакизма (гл. II, п. 1).

Завершают и обобщают традицию об ostrакизме, сформировавшуюся в классическую эпоху, два выдающихся ученых — Аристотель и его ученик Феофраст. Информацию об ostrакизме, содержащуюся у Аристотеля, можно вообще без преувеличения назвать *самой ценной* из того, что мы имеем об этом институте²⁷. Одним из главных дел жизни Стагирита стала предпринятая в

де» Андротиона см.: Bloch H. Notes on the Atthis of Androtion // ASPF. P. 341—355; Harding Ph. Atthis and Politeia // Historia. 1977. Bd. 26. Ht. 2. S. 148—160; наконец, наиболее подробно — в недавней монографии: Harding Ph. Androtion and the Atthis. Oxf., 1994. О влиянии аттидографов, в особенности Андротиона, на Аристотеля, см.: Schreiner J. H. Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968. P. 13—20.

²⁶ Jacoby F. Die Fragmente... V. 1. P. 119 ff.; Dover K. J. Androtion on Ostracism // CIR. 1963. V. 13. No. 3. P. 256—257; Keaney J. J. The Text of Androtion F6 and the Origin of Ostracism // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 1. S. 1—11; idem. Androtion F6 Again // Historia. 1976. Bd. 25. Ht. 4. S. 480—482; idem. Androtion F6 and Methodology // Klio. 1995. Bd. 77. S. 126—131; Thomsen R. The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 11 ff.; Walters K. R. FGrHist 324 F6: A New Conjecture // RhM. 1984. Bd. 127. Ht. 3/4. S. 223—226; Chambers M. Androtion F6: τότε πρότον // JHS. 1979. V. 99. P. 151—152; Kinzl K. H. Androtion's Dating of Ostrakismos // AHB. 1991. V. 5. No. 4. P. 109—111; Taeuber H. T 31. Androtion FGrHist 324 F 6 (ca. 340 v. Chr.): die Einführung und erste Anwendung des Ostrakismos (488/7 v. Chr.) // OT. S. 401—412.

²⁷ По поводу сообщений Аристотеля об ostrакизме см.: Goossens R. Le texte d'Aristote, Constitution d'Athènes, XXII, 8, et l'obligation de résidence des Athéniens ostracisés // Chronique d'Égypte. 1945. № 39/40. P. 125—138; Seager R. Ἀθηναίων Πολιτεία 22.4 // CIR. 1962. V. 12. No. 3. P. 201—202; Fornara Ch. W. A Note on ἈΘΠ. 22 // ClQ. 1963. V. 13. No. 1. P. 101—104; Kinzl K. H. AP 22.4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // Klio. 1991. Bd. 73. Ht. 1. S. 28—45; Musti D. La chronologie du chapitre 22 de l'Ἀθηναίων Πολιτεία sur l'ostracisme // AA. P. 251—259; Schubert Ch. Die Macht des Volkes und die Ohnmacht des

рамках перипатетической школы под его руководством грандиозная работа по составлению «Политий» — историй и систематических описаний государственного устройства различных греческих полисов. В ходе этой многолетней работы был собран колоссальный фактологический материал, и значительная его часть вошла, подвергшись обобщению, в итоговый труд школы по данной теме — аристотелеву «Политику». Сведения об ostrakismos мы обнаруживаем в двух трактатах Аристотеля: в упомянутой «Политике», а также в «Афинской политике» — единственной из 158 (или 171) составленных в Ликее «Политий», находящейся ныне в распоряжении ученых²⁸. При этом если в «Афин-

Denkens: Studien zum Verhältnis von Mentalität und Wissenschaft im 5. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1993. S. 23 ff., и особенно принципиальное исследование: *Raubitschek A. E.* Aristoteles über den Ostrakismos // *Tyche*. 1986. Bd. 1. S. 169—174.

²⁸ Дискуссионным является вопрос о хронологическом соотношении «Политики» и «Афинской политики». С одной стороны, практически сразу же после издания «Афинской политики» было справедливо подмечено, что некоторые факты, упоминаемые в этом трактате, дают t.p.q. для него — 328 г. до н. э. (*Sandys J. E.* Introduction // *Aristotle's Constitution of Athens: A Revised Text with an Introduction, Critical and Explanatory Notes, Testimonia and Indices*. 2 ed. L., 1912. P. XLIX). Это делает «Афинскую политику» едва ли не последним произведением Аристотеля, во всяком случае, более поздним, чем «Политика», работа над которой шла на протяжении 330-х гг. (а начата была, возможно, еще в 340-е, см.: *Heftner H.* Т 34—38. *Aristoteles, Politika*. Vorbemerkung: die Abfassungszeiten der Ostrakismos-Testimonien // *OT*. S. 417—420). С другой стороны, несомненно и то, что «Афинская политика» составлялась в ходе сбора эмпирического материала для теоретической «Политики», т. е. стадийно, по содержанию, она должна была предшествовать ей (ср.: *Thomsen R.* Op. cit. P. 46). Найти выход из складывающегося противоречия позволяет предположение, что «Афинская политика» уже после написания основной части текста дополнялась и перерабатывалась самим автором в 320-х гг. до н. э. (ср., например: *Ruschenbusch E.* Die Quellen... S. 75). Мы не будем сколько-нибудь подробно касаться здесь еще одного спорного вопроса — об авторстве «Афинской политики» (см.: *Scheidel W., Taeuber H.* Т 39—41. *Aristoteles, Ath. Pol.* Vorbemerkung: zu Verfasserschaft und Abfassungszeit der Athenaion Politeia // *OT*. S. 447—448). Как известно, принадлежность этого сочинения самому Аристотелю все чаще оспаривается в западной историографии. См., в частности: *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxf., 1952. P. 27—30; *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 58—63; *Whitehead D.* 1—41, 42—69: A Tale of Two Politeiai // *AA*. P. 25—38; *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998. P. 358 ff. Мы не исключаем, что непосредственно над текстом «Афинской политики» мог работать не сам глава Ликеев, а кто-то из его учеников (или, может быть, даже группа учеников). Однако, на наш взгляд, не подлежит сомнению, что Аристотель, во всяком случае, авторизовал трактат и издал его под своим именем. Ведь не случайно вся античная традиция называет «Афинскую политику» именно аристотелевым произведением. В целом о проблемах,

кой политике» содержится целое обилие интереснейших фактов из истории остракизма (причем, что немаловажно, факты эти зачастую приводятся с датировками по эпонимным архонтам), то «Политика» становится полем для теоретических рассуждений об остракизме, отличающихся очень высоким уровнем; до такой высоты и глубины обобщений не поднимался ни до Аристотеля, ни после него ни один античный автор, чье внимание привлекал этот институт²⁹.

Что касается «Афинской политики», особенно важна для нас ее 22-я глава³⁰. В ней Стагирит говорит о введении остракизма Клисфеном διὰ τὴν ὑποψίαν τῶν ἐν ταῖς δυνάμεσιν, из опасений восстановления тирании, и об изначальной направленности этой меры против Гиппарха, сына Харма, главы политической группировки сторонников Писистратидов, остававшихся в Афинах. Затем идет очень подробный рассказ, уснащенный датировками и именами изгнанных, о применении процедуры остракизма в течение 480-х гг. до н. э., о последующем досрочном возвращении его жертв ввиду нашествия Ксеркса на Грецию и о внесении в закон об остракизме изменения, касавшегося местопребывания лиц, подвергнутых этой мере. К сожалению, в дальнейшем автор «Афинской политики» практически не останавливается на последующей истории остракизма; он не говорит ничего даже о выходе этой процедуры из употребления в конце V в. до н. э. И еще одно очень интересное свидетельство встречаем мы в трактате о государственном устройстве афинян (Ath.pol.43.5). Оказывается, еще во времена Аристотеля афинское народное собрание регулярно раз в год рассматривало вопрос о проведении остракофории; таким образом, формально институт остракизма продолжал существовать³¹.

В трактате «Политика» также есть несколько пассажей, посвященных остракизму (1284a4 sqq.; 1288a15 sqq.; 1302b15 sqq.). Здесь остракизм рассмотрен в рамках общих вопросов, крайне принципиальных для политической жизни древнегреческого полисного мира: о монархии и о междоусобной распре (стасисе). В целом Аристотель не одобряет обычай остракизма, однако считает, что при некоторых обстоятельствах «мысль об остракизме находит некое справедливое оправдание» (ἔχει τι δίκαιον πολιτικὸν ὁ λόγος ὁ περὶ τὸν ὀστρακισμόν). В частности, он убежден, что в так называемых «отклоняющих-

связанных с «Политикой» и «Политиями», см. классический труд: Доватур А. И. Политика и Полития Аристотеля. М.—Л., 1975.

²⁹ Ср.: Tarkkainen T. Die athenische Demokratie. Zürich — Stuttgart, 1966. S.112.

³⁰ См. наиболее подробно: Taeuber H. T 39. Aristoteles, Ath. Pol. 22, 1. 3—8 (ca. 332—335 v. Chr.): Einführung und erste Anwendungen des Ostrakismos (487—480 v. Chr.) // OT. S. 449—458.

³¹ См.: Scheidel W., Taeuber H. T 41. Aristoteles, Ath. Pol. 43, 5 (ca. 328—325 v. Chr.): Vorabstimmung in der Volksversammlung über die Abhaltung eines Ostrakismos // OT. S. 465—471. Аналогичный пример из афинской правовой практики, когда узаконение существовало, но на практике не применялось, см.: Arist.Ath.pol.60.2.

ся» формах государственного устройства (а таковыми в классификации, предлагаемой философом, являются три из шести существующих — тирания, олигархия и демократия) остракизм выгоден и полезен (ἰδίᾳ συμφέρεῖ καὶ δίκαιόν ἐστι). Цель остракизма, по мнению Аристотеля, заключается в том, чтобы κολοῦειν τοὺς ὑπερέχοντας καὶ φυγαδεύειν. Именно понятия ὑπερέχειν (превосходить), ὑπεροχή (превосходство) имеют ключевое значение в рассуждениях Стагирита об остракизме. Будучи человеком классического полисного менталитета, он проникнут идеей меры, соразмерности, и уверен, что любое отступление от этой соразмерности несовместимо с нормальной жизнью полиса. Если кто-либо из граждан чем-то выделяется среди остальных (хотя бы своими достоинствами), возможно лишь два способа поведения по отношению к нему: либо избавиться от такого лица (например, посредством остракизма), либо добровольно подчиниться ему, поставить его выше всех законов и, таким образом, предоставить ему полную единоличную власть. Или остракизм, или монархия — фактически такая альтернатива выдвигается Аристотелем. Для «наилучшей» формы государственного устройства, существующей лишь в теории, он предпочитает монархию, но в исторически существующих формах реальность оказывается иной. Впрочем, ученый сам отмечает, что остракизмом часто пользовались вразрез с его теорией — не в общегосударственных интересах, а ἀσασιαστικῶς, т. е. как средством в борьбе политических группировок³².

Размышления Аристотеля об остракизме обладают, повторим, исключительной ценностью; это — самая глубокая в античности попытка осмыслить цели и функции остракизма как в чем-то даже неизбежного элемента полисного типа политической жизни. Кроме этих теоретических выкладок, есть в «Политике» и одно важное фактологическое свидетельство — сообщение о применении остракизма не только в Афинах, но и в Аргосе. Здесь мы видим самое раннее указание на то, что остракизм не был чисто афинским феноменом (характерно, кстати, что в перечислении Аристотеля Аргос стоит на первом месте, а Афины — на втором)³³.

К рассмотренным пассажам, принадлежащим Стагириту, не следует, впрочем, подходить некритически. Надлежит помнить о том, что это — всего лишь личный взгляд на остракизм одного конкретного автора (пусть даже человека такого выдающегося ума, каким был Аристотель), а не общепринятое в греческом мире суждение. Кроме того, уже было отмечено³⁴, что его позиции не чужды определенные противоречия. В «Афинской политике» слова

³² Hameter W. T. 35. Aristoteles, Pol. 3, 1284b 15—30 (ca. 347—340 v. Chr.): der Ostrakismos hat staats-theoretisch eine gewisse Berechtigung, aber nicht als Instrument von Parteikämpfen // OT. S. 429.

³³ О том, что Аристотель, размышляя об остракизме, имел в виду не только афинский материал, см.: Eder B. T 34. Aristoteles, Pol. 3, 1284a 17—37 (ca. 347—335 v. Chr.): Ostrakismos dient zur Wiederherstellung demokratischer Gleichheit // OT. S. 422.

³⁴ Raubitschek A. E. Aristoteles... Passim; Palme B. T 37. Aristoteles, Pol. 5, 1302b 15—21 (ca. 335—323 v. Chr.): Ostrakismos als Schutz vor Tyrannis // OT. S. 440.

ὕπερῃς и ὕπεροχῇ в связи с ostracismом даже не употребляются, а главной функцией этого института оказывается борьба со сторонниками свергнутых тиранов. В «Политике» же акценты расставлены существенно иным образом; речь о каких-либо сторонниках тиранов по поводу ostracismа даже не заходит. Впрочем, может быть, перед нами не противоречие, а взаимодополняющие суждения автора — одно применительно к конкретной ситуации в конкретном полисе, а другое — обобщающего характера? Или можно говорить об эволюции взглядов Аристотеля³⁵? Но в таком случае в какую сторону шла эта эволюция, какую точку зрения следует считать последней? Работа над «Афинской политией» шла и до, и после написания «Политики». Кстати, отметим еще одно обстоятельство, несколько затрудняющее использование фактов, приводимых Аристотелем. «Афинская полиция», как известно, дошла на папирусном манускрипте в далеко не безупречном виде. В частности, некоторые даты, выраженные цифрами, были искажены переписчиками, и в определенной степени это относится как раз к датировкам конца VI — начала V в. до н. э., т. е. того времени, когда был введен и впервые применен ostracism. В результате относительно дат некоторых из первых ostracismов существует определенная неясность (подробнее см. ниже, в гл. I). И тем не менее, несмотря на все сказанное, сведения Аристотеля об ostracismе остаются, так сказать, «вне конкуренции».

В сборе материала для «Политий» и «Политики» принимал активное участие ближайший к Аристотелю сотрудник Ликей, впоследствии ставший преемником своего учителя на посту схоларха, — Феофраст³⁶. Этот ученый, круг интересов которого был не менее энциклопедическим, чем у самого Аристотеля, наряду с дошедшими до наших дней сочинениями по ботанике, минералогии, этике писал также труды политического и правового содержания³⁷. В частности, поскольку в его распоряжении оказалась в конечном счете колоссальная информация по политическому и правовому устройству греческих полисов, не вошедшая в «Политику», он воспользовался ею (причем, насколько можно судить, с большей степенью полноты, чем сам Аристотель) при написании своего трактата «Законы» (Νόμοι). Именно в этом трактате сохранился обширный пассаж об ostracismе, где должен был приводиться текст закона о введении этого института (вне сомнения, еще доступный Феофрасту) и проследиваться его дальнейшее применение.

Трактат Феофраста «Законы» не сохранился (и это тоже одна из самых прискорбных утрат для антиковедов, занимающихся политической историей Древней Греции), однако, поскольку фрагменты из него донесены до нас ци-

³⁵ Ср.: Scheidel W. T 39—41. Zum Verhältnis der Testimonien in Aristoteles' Politika (T 34—48) zu den Testimonien in der Athenaion Politeia (T 39—41) // OT. S. 472—474.

³⁶ Мы решительно настаиваем именно на такой русской транскрипции его имени. Почему-то значительно чаще можно встретить написание «Теофраст». Но почему тогда не «Теопомп», «Темистокл», «Тукидид» и т. д.?

³⁷ Колоссальный перечень сочинений Феофраста см.: Diog.Laert.V.42—50.

татами позднейших писателей (Plut.Nic.11 = Theophr.fr.139 Wimmer; Schol.Lucian.Tim.30), мы имеем некоторое представление о структуре его главы, посвященной остракизму. В ней, в частности, шла речь о выходе остракизма из употребления после изгнания Гипербола. Есть основания полагать, что на данных Феофраста — ученого, пожалуй, знавшего об остракизме больше, чем кто-либо в классической античности, — в значительной мере основывалась почти вся последующая греческая нарративная традиция об этом институте³⁸. О зависимости от Феофраста можно говорить даже применительно ко многим из тех поздних авторов, у которых нет прямых ссылок на него (например, к схолиастам к комедиям Аристофана). Кроме «Законов», Феофраст касался остракизма также в трактате «Политические обстоятельства» (fr.131 Wimmer, цитируется целым рядом позднейших писателей). Этот фрагмент интересен тем, что в нем второй схолярх Ликея выступает как основоположник традиции, согласно которой первым был изгнан из Афин остракизмом еще Тесей (этой традиции мы подробнее коснемся ниже, гл. II, п. 2).

Об остракизме писал и еще один представитель перипатетической школы, ученик Феофраста (впрочем, судя по всему, он слушал еще и самого Аристотеля) Деметрий Фалерский, в течение десяти лет (с 317 до 307 г. до н. э.) являвшийся правителем-эпимелетом Афин под македонским протекторатом³⁹. В диалоге «Сократ» Деметрий в неизвестной нам связи говорит об остракизме Аристиды (FGrHist.228.F43), указывая — вполне в русле устоявшейся к его времени точки зрения, — что эта мера применялась к людям знатым и вызывавшим зависть у сограждан (τοῖς ἐξ οἴκων τε μεγάλων καὶ διὰ γένους ὄγκον ἐπιφθόνοις).

Хронологически стоит уже в начале эллинистической эпохи, но стадийно также должен быть причислен к авторам, завершающим классическую традицию, Филохор — последний и самый крупный представитель аттидографического жанра, живший в конце IV — первой половине III в. до н. э. Из «Аттиды» Филохора до нас дошел чрезвычайно важный фрагмент (FGrHist.

³⁸ Эта мысль наиболее настоятельно и аргументированно проводится в важнейшей работе, посвященной сообщением Феофраста об остракизме: *Raubitschek A. E. Theophrastos on Ostracism* // СМ. 1958. 19. Р. 73—109. О роли Феофраста в формировании античной нарративной традиции об остракизме см. также: *Bloch H. Theophrastus' Nomoi and Aristotle* // ASPF. Р. 355—376; *Connor W. R., Keaney J. J. Theophrastus on the End of Ostracism* // AJPh. 1969. V. 90. No. 3. Р. 313—319; *Keaney J. J. Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI* // АА. Р. 261—278; *Суриков И. Е. Закон Клисфена...* С. 15.

³⁹ О правлении Деметрия Фалерского в Афинах см.: *Lehmann G. A. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr.* // AD. S. 139—150; *Williams J. Ideology and the Constitution of Demetrius of Phalerum* // PaP. Р. 327—346; *Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху.* М., 1999. С. 58—71; *Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть.* СПб., 2001. С. 535—565.